

УДК 340.12

ББК 67.0

НЗ4

Рецензенты:

Попова О. В., доктор философских наук;

Липень С. В., доктор юридических наук.

Ответственные редакторы доктор философских наук, профессор **В. М. Артемов**, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор **О. Ю. Рыбаков**.

НЗ4 Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. — Москва : РГ-Пресс, 2019. — 408 с.

ISBN 978-5-9988-0994-1

DOI

В сборнике (коллективной монографии) публикуются материалы на основе докладов участников Международной научно-практической конференции «Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования», состоявшейся 1–2 марта 2019 г. в Университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) в связи с новым этапом деятельности философско-правового клуба «Нравственное измерение права» под руководством доктора философских наук, профессора В. М. Артемова на базе кафедры философии и социологии. В опубликованных трудах отражены результаты научных исследований и теоретических выводов по общим и прикладным проблемам современных научно-технологических трансформаций, взятых в аспекте соотношения нравственности и права и в русле усиления нравственного измерения права.

Сборник адресован преподавателям, научным сотрудникам, аспирантам, магистрантам, студентам гуманитарных специальностей, а также всем, кто интересуется философией, этикой и социально-гуманитарным знанием в целом в контексте современности.

УДК 340.12

ББК 67.0

*Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование
и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами.
За содержание статей ответственность несут авторы.*

Научное издание

АРТЕМОВ Вячеслав Михайлович,

РЫБАКОВ Олег Юрьевич и др.

**НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Сборник научных трудов

Подписано в печать 16.09.2019. Формат 60×90 1/16.

Печать цифровая. Печ. л. 25,5. Тираж 500 (1-й завод 100) экз. Заказ №

ISBN 978-5-9988-0994-1

DOI

© Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019

Раздел 3

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ И ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Прокофьев А. В.,

*ведущий научный сотрудник сектора этики
Института философии РАН,
доктор философских наук, доцент*

Стыд, психология морали и пенитенциарная практика

Аннотация. В выступлении проанализированы этические проблемы, которые возникают в связи с использованием в качестве правовой санкции публичных процедур, пристыжающих нарушителей закона. Автор реконструирует систему аргументов «за» и «против» пристыжающих правовых санкций и подробнее останавливается на использовании в их обсуждении данных психологии морали. Некоторые противники пристыжающих правовых санкций отталкиваются в своей критике от особенностей стыда как моральной эмоции. В рамках того теоретического образа стыда, который сформировался на основе исследований Джун Тэнгни, эта моральная эмоция выступает как депрессогенная, блокирующая эмпатию и провоцирующая агрессивность. Соответственно, ее использование в пенитенциарной системе может вести исключительно к негативным последствиям. Однако многие из положений психологической критики стыда не подтверждаются более современными исследованиями. В настоящий момент развернулась частичная реабилитация этого переживания. Отсюда следует, что противоречивые данные общей психологии стыда не могут сформировать весомый довод против пристыжающих правовых санкций. Для его формирования необходимы специализированные психологические и социологические исследования самого феномена пристыжающих наказаний.

Ключевые слова: мораль, социальная этика, психология морали, наказание, альтернативы лишения свободы, пристыжающие правовые санкции, стыд, вина, психологическая критика стыда.

Prokofyev A. V.*RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str.,
Moscow, 109240, Russian Federation. DSc in Philosophy,
Leading Research Fellow.*

Shame, Moral Psychology, and Penitentiary Practice

Abstract. The paper deals with some ethical problems that the forensic practice of shaming faces in liberal and democratic countries. The author traces how psychological data is used in the discussion about shaming legal sanctions. Some opponents of this type of sanctions criticize it on the basis of negative features of the moral emotion of shame. Taking into account the image of shame initiated by the American psychologist J.Tangny, they stress negative influence of the process of shaming on the society and its individual members. According to J.Tangny, shame has a powerful depressogenic effect, blocks empathic feelings and provokes aggression against other people. So the employing of shaming by the state punitive system can lead only to disastrous social consequences. Though, many arguments of the psychological criticism of shame were not corroborated by recent researches. Nowadays the full-scale rehabilitation of shame is underway in psychological science. It means that controversial conclusions of the general psychology of shame can not provide foundation for the rejection of legal shaming sanctions. Some highly specialized researches are required in this field.

Keywords: morality, social ethics, moral psychology, punishment, alternatives to imprisonment, shaming legal sanctions, shame, guilt, psychological criticism of shame.

Когда заходит речь об использовании чувства стыда в практике наказаний у современного человека западной культуры возникают не самые позитивные исторические ассоциации. В первую очередь мы вспоминаем в этой связи о позорном столбе, публичных церемониях покаяния, клеймении преступников. Все это привычные атрибуты пенитенциарной практики Средних веков и раннего Нового времени. И они воспринимаются нами как бесспорный юридический и нравственный анахронизм. Другая серия ассоциаций относится к более близкому нам периоду и связана с практикой тоталитарных государств или государств, которые либо опираются на сохранившиеся архаические, досовременные правовые традиции, либо активно возрождают их. Негативный характер таких ассоциаций также очевиден.

В этой связи складывается впечатление, что любые формы институционализации стыда, выступающего в качестве санкции за правонарушение, являются заведомо несовместимыми с преобладающими в нашей культуре моральными убеждениями. Однако это не совсем так. Во всяком случае, в одной стране западного культурного ареала

использование стыда в практике наказания недавно пережило период возрождения. Это Соединенные Штаты. Именно там суды, имеющие значительную свободу в вопросе выбора санкций, стали активно назначать наказания, связанные с пристыжением.

Примеры таких наказаний:

а) осужденный в течение определенного времени в публичном месте носит на себе специальное объявление, описывающее характер совершенного преступления;

б) осужденный носит на одежде известные всем знаки, указывающие на преступление определенного типа;

в) на автомобиле водителей, уличенных в вождении в нетрезвом виде, устанавливаются специальные таблички;

г) осужденный произносит в публичном месте утвержденную судом покаянную речь;

д) имена клиентов, пользующихся услугами проституток, оглашаются на местных телеканалах;

е) эти люди принудительно посещают специальные семинары, на которых узнают о воздействии проституции на вовлеченных в нее женщин,

г) владельцы недвижимости в городских трущобах, которые сдают комнаты, не отвечающие гигиеническим требованиям, подвергаются домашнему аресту именно в этих комнатах;

д) посетители баров, которые справляют естественные надобности рядом с заведениями, моют мостовые в заранее известное публичное время.

Факт возрождения «пристыжающих» (можно было бы использовать также понятия «устыжающие» или «стыдящие») наказаний в стране, имеющей развитую правовую культуру современного типа, ставит вопрос, который имеет значение не только для Соединенных Штатов. Действительно ли использование процедур и церемоний пристыжения, представляет собой явление, безвозвратно ушедшее в прошлое в связи со своей морально-правовой неприемлемостью? Юристов при решении этого вопроса по преимуществу интересует соотношение пристыжающих санкций общим основаниям назначения наказаний, присутствующих в конкретных правовых системах. Этиков, естественно, волнует моральная сторона вопроса: не является ли такое обращение с правонарушителем недопустимым в свете фундаментальных моральных требований? Однако этический и правовой дискурс по вопросу о пристыжающих наказаниях не изолированы друг от друга. Они существенным образом пересекаются между собой, и это происходит благодаря тому, что центральная уголовно-правовая санкция современности — лишение свободы, вызывает большое количество претензий. В рамках абстрактной теоретической схемы

лишение свободы получает довольно внятное обоснование, но если взять за точку отсчета реалии институтов лишения свободы, то соответствие этой санкции основным целям наказания оказывается под большим вопросом. Тема альтернативной системы реагирования общества на уголовные правонарушения волнует в равной мере этиков и правоведов. И именно в этом контексте обсуждение пристыжающих наказаний отделяется от ностальгирующего традиционализма и встраивается в поиск контуров более эффективной и более гуманной пенитенциарной системы.

В своем выступлении я хотел бы бегло, не претендуя на полноту и вынесение каких-либо окончательных оценок, представить контуры дискуссионного пространства по поводу пристыжающих наказаний, а затем — подробнее остановиться на том, какую роль в этом пространстве играют аргументы, связанные с особенностями стыда как моральной эмоции.

Основным аргументом противников возрождения пристыжающих наказаний является аргумент от их унижающего характера или несовместимости с уважением к достоинству нарушителя. Этот аргумент выражается по-разному: 1) через мысль о тождестве пристыжения и символического уничтожения личности нарушителя, 2) через утверждение об использовании личности нарушителя в качестве простого инструмента правовой системы, 3) через тезис о неизбежном отрицании равенства между пристыжаемым нарушителем и представителями пристыжающей аудитории.

Второй аргумент носит сугубо процедурный характер и касается той роли, которую играет аудитория в ходе ритуала пристыжения. Она оказывается не просто исполнителем наказания, а, по сути, самостоятельным судьей, поскольку именно мера ее возмущения и ее действия в конкретной ситуации определяют интенсивность стыда преступника. Такое состояние дел может восприниматься как заведомо несправедливое.

Третий аргумент отталкивается от реалий современного посттрадиционного общества, в котором связи между индивидами не настолько тесны, чтобы пристыжение имело сколько-нибудь значительный эффект.

Наконец, четвертый аргумент сконцентрирован на психологических последствиях пристыжения, которые, по мнению критиков этого вида наказания, редко ведут к тому, что нарушитель начинает сам регулировать свое поведение¹.

¹ Среди известных критиков пристыжающих санкций — Марта Нуссбаум, Тони Массаро, Дэн Мэркел, Джеймс Уитмэн (*Nussbaum M. C. Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law. Princeton, 2004. P. 230–33; Massaro T. M. The Meanings of*

Сторонники рассматриваемой практики считают, что ее бессмысленно рассматривать абстрактно и безотносительно. Только сравнение с лишением свободы может определить моральную допустимость и социальную эффективность пристыжающих наказаний. Лишение же свободы (в том виде, в каком его смогли реализовать современные либерально-демократические общества) является не менее унижительным и не в меньшей степени покушается на достоинство нарушителя. Одновременно институты лишения свободы очень дороги и являются важным средством поддержания криминальной субкультуры. А если сравнить между собой доступные на сегодня альтернативы лишения свободы, то пристыжение имеет существенные преимущества. В отличие от штрафа или общественных работ, оно отчетливо выражает осуждение преступления. Аргумент от несправедливости неуправляемых форм наказания рассматривается сторонниками пристыжающих санкций как малозначительный. Аргумент от индивидуализированного состояния современного общества, по их мнению, упускает процесс формирования новых, не территориальных сообществ, среди которых решающую роль играют профессиональные и сетевые. Наконец, негативные психологические последствия пристыжения рассматриваются сторонниками этого вида наказания в качестве преувеличенных¹.

В своем выступлении я хотел бы подробнее проследить судьбу четвертого аргумента против пристыжающих наказаний, аргумента, связанного с психологией нарушителя. И лишь в той части, которая пересекается с эмпирическими исследованиями феномена стыда. В разных современных психологических определениях стыда сложно переплетаются два элемента: а) стыд выступает как эмоция, возникающая в результате отклика на негативную внешнюю оценку, воображаемую или реальную, б) самоосуждение, присутствующее в стыде, направлено не на действия субъекта, а на саму его личность. К середине 2000-х годов в психологии морали утвердилось мнение о том, что стыд есть очень опасное психическое явление, требующее от общества специальных усилий по его минимизации. На основе многочисленных исследований, центральной фигурой в которых являлась Джун Тэнгни, был сделан вывод о том, что стыд облада-

Shame: Implication for Legal Reform // *Philosophy Public Policy and Law*. 1997. Vol. 3. № 4. P. 693–694; *Markel D.* Are Shaming Punishments Beautifully Retributive? Retributivism and the Implications for the Alternative Sanctions Debate // *Vanderbilt Law Review*. 2001. Vol. 54. № 6. P. 2157–2242; *Whitman J. Q.* What's Wrong with Inflicting Shame Sanctions? // *Yale Law Journal*. 1998. Vol. 107. № 4. P. 1055–1092).

¹ Самые известные сторонники пристыжающих правовых санкций Дэн Кахан и Амитай Этциони (*Kahan D. M.* What Do Alternative Sanctions Mean? // *The University of Chicago Law Review*. 1996. Vol. 63. № 2. P. 591–653; *Etzioni A.* Back to the Pillory? // *The American Scholar*. 1999. Vol. 68. № 3. P. 43–50).

ет очень мощным разрушительным потенциалом как в отношении способности человека вести полную и счастливую жизнь, так и в отношении его способности к моральному саморегулированию¹.

1. Стыд способствует депрессии. Многие из признаков, входящих в клиническую картину депрессии, непосредственно присутствуют в описании стыда, предложенном Тэнгни. Так, чувство никчемности и радикальное снижение самооценки включены в саму психическую механику стыда. Умаление себя, имеющее место в опыте стыдящегося человека, разрушает его способность получать удовлетворение от жизни и снижает интерес к ней (а это еще два пункта из описания симптоматики депрессии). Предельной точкой в этом отношении становятся пассивность, безразличие или суицидальные тенденции.

2. Стыд подавляет эмпатические реакции. Переживающий стыд человек слишком глубоко погружен в себя, слишком сосредоточен на своем умаляющемся Я, чтобы интересоваться тем, что чувствует другой. Болезненное переживание собственного несовершенства, отвращение к себе самому придают боли и страданию окружающих призрачный характер. В случае с виной складывается противоположная картина. Порожденная чувством вины концентрация деятеля на причиненном другому страдании ведет к принятию перспективы другого и к превращению его страдания в их общее.

3. Стыд блокирует совершение действий, компенсирующих причиненный вред. Если «заряженная» эмпатией вина влечет за собой публичное признание ответственности, стремление попросить у пострадавшего и его близких прощения, попытки устранить или смягчить последствия вредящих действий, то стыд, отсылающий нарушителя к его собственному несовершенству, мешает реализовать любую из указанных линий поведения. С одной стороны, он просто не находит в них разрешения, поскольку все эти действия не дают нарушителю уверенности в том, что его личность коренным образом изменилась. С другой стороны, любой контакт с пострадавшим (в ходе покаяния, извинения или устранения последствий своих действий) превращается для стыдящегося в дополнительный повод предъявления себя (который так плох) другому. Поэтому стыд порождает не движение навстречу другим людям, не общение с ними по поводу произошедшего, а бегство от них, желание скрыться и замкнуться в себе самом.

4. Стыд инициирует гнев и агрессию. Вопреки желанию стыдящегося человека скрыться и замкнуться в себе, он вынужден продолжать взаимодействие с другими людьми, сохранять свою открытость для их негативных суждений. Это влечет за собой постоянно требующее

¹ См.: *Tangney J. P., Dearing R. L. Shame and Guilt. N. Y.: Press, 2002.*

выхода раздражение окружающими. Кроме того, переживание стыда настолько тяжело и безысходно, что постоянно провоцирует перенос осуждения с себя на другого. Тот начинает восприниматься как заслуживающий воздаяния, а значит, превращается в «законный» объект для гнева и агрессии.

Сочетание перечисленных факторов порождает социально-инженерный проект искоренения или резкого уменьшения роли стыда. Как замечает Тэнгни, «наши жизни как отдельных индивидов, как социальных существ, как общества в целом могут стать лучше, если мы преобразуем болезненное, травматичное чувство стыда в более адаптивное чувство вины»¹. Основной компонент этого проекта — устраняющий стыд стиль воспитания детей в семье. Последний сочетает резкое ограничение числа негативных оценок, обращенных к личности ребенка, с настойчивым стремлением родителей сконцентрировать внимание детей на последствиях их действий для другого. В качестве дополнения к такому стилю воспитания выступает вытеснение стыда из системы образования.

Социально-инженерный проект Тэнгни получает органичное продолжение в виде политики по вытеснению стыда из пенитенциарной системы современного общества. Возвращение пристыжающих санкций является для такой политики центральным злом, требующим искоренения. Ведь каждая из представленных выше претензий к стыду является основанием сомнения в том, что подвергнутый пристыжающим санкциям нарушитель будет впредь воздерживаться от противоправных действий, а наблюдатель процесса пристыжения не пойдет на такие действия в будущем. Депрессия, провоцируемая стыдом, порождает безразличие деятеля к моральному качеству собственных поступков. Подавление эмпатии резко снижает вероятность того, что осуждающее послание общества будет принято нарушителем. Блокирование практических выражений раскаяния снижает вероятность успешной реинтеграции нарушителя в общество. И, наконец, спираль стыда и гнева разрушает возможную связь между болезненностью пристыжения и предупреждением будущих преступлений. Психологическая травма не сдерживает их, а является мощным стимулирующим фактором. Чем более болезненным оказывается стыд, тем более интенсивным будет гнев против организовавшего процедуры пристыжения общества и против участвующих в них конкретных людей.

Однако в последние годы в психологии морали имеет место активное движение в сторону реабилитации стыда. Оно было инициировано Илоной Де Хуге, Сигером Бройгельмансом, Марком Зиленбергом

¹ См.: Tangney J. P., Dearing R. L. Shame and Guilt. N. Y.: Press, 2002.

и поддержано другими исследователями. По их мнению, тот веер негативных последствий стыда, который был охарактеризован выше, присутствует лишь у индивидов, имеющих акцентированную predisposition к этому переживанию. У человека, не имеющего такой predisposition и не попадающего часто в ситуации, вызывающие стыд, эта эмоция сопровождается иными эффектами. Она порождает не замыкание в себе, стремление скрыться и т. д., а стремление восстановить положительное отношение к собственной личности за счет активных просоциальных действий. Эта тенденция не является очень устойчивой и при столкновении с трудностями быстро исчезает, но она вполне реальна. Ту же самую просоциальную тенденцию порождает и так называемая «социометрическая природа» стыда: стыдящийся человек пытается восстановить свою репутацию в группе. При этом, если вина ведет к установлению добрых отношений лишь с пострадавшими от нарушения, то стыд имеет тот же эффект применительно к любому члену сообщества. Иными словами, стыд выступает как важная опора не прямой, опосредствованной взаимности¹.

Конечно, результаты новейших психологических исследований не дают прямого ответа на вопрос об эффективности пристыжающих правовых санкций. Но они явно препятствуют механическому переносу критики стыда, разработанной Тэнгни, в морально-правовой контекст. Аргумент против пристыжающих санкций, опирающийся на особенности стыда, превращается из очень весомого в сомнительный.

Литература

- 13) Etzioni A. Back to the Pillory? // *The American Scholar*. 1999. Vol. 68. № 3. P. 43–50.
- 14) De Hooge I. E., Breugelmans S. M., Zeelenberg M. Not So Ugly After All: When Shame Acts as a Commitment Device // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 95. № 4. P. 933–943.

¹ См.: De Hooge I. E., Breugelmans S. M., Zeelenberg M. Not So Ugly After All: When Shame Acts as a Commitment Device // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 95. № 4. P. 933–943; De Hooge I. E., Zeelenberg M., Breugelmans S. M. Restore and Protect Motivations Following Shame // *Cognition and Emotion*. 2010. Vol. 24. P. 111–127; De Hooge I. E. Moral Emotions and Prosocial Behaviour: It May Be Time to Change Our View of Shame and Guilt // *Handbook of Psychology of Emotions: Recent Theoretical Perspectives and Novel Empirical Findings* / ed. by Mohiyeddini C., Eysenck M., Bauer S. N.Y.: Nova Science Publishers, 2013. P. 255–276; De Hooge I. E. The General Sociometer Shame: Positive Interpersonal Consequences of an Ugly Emotion // *Psychology of Shame: New Research* / ed. K. G. Lockhart. N. Y.: Nova Science Publishers, 2014. P. 95–110. Обзор процесса реабилитации стыда см.: Nelissen R. M. A., Breugelmans S. M., Zeelenberg M. Reappraising the Moral Nature of Emotions in Decision Making: The Case of Shame and Guilt // *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. Vol. 7. № 6. P. 355–365.

- 15) *De Hooge I.E., Zeelenberg M., Breugelmans S.M.* Restore and Protect Motivations Following Shame // *Cognition and Emotion*. 2010. Vol. 24. P. 111–127.
- 16) *De Hooge I.E.* Moral Emotions and Prosocial Behaviour: It May Be Time to Change Our View of Shame and Guilt // *Handbook of Psychology of Emotions: Recent Theoretical Perspectives and Novel Empirical Findings* / Ed. by Mohiyeddini C., Eysenck M., Bauer S. New York: Nova Science Publishers, 2013. P. 255–276.
- 17) *De Hooge I.E.* The General Sociometer Shame: Positive Interpersonal Consequences of an Ugly Emotion // *Psychology of Shame: New Research* / Ed. K.G. Lockhart. New York: Nova Science Publishers, 2014. P. 95–110.
- 18) *Kahan D.M.* What Do Alternative Sanctions Mean? // *The University of Chicago Law Review*. 1996. Vol. 63. № 2. P. 591–653.
- 19) *Markel D.* Are Shaming Punishments Beautifully Retributive? Retributivism and the Implications for the Alternative Sanctions Debate // *Vanderbilt Law Review*. 2001. Vol. 54. № 6. P. 2157–2242.
- 20) *Massaro T.M.* The Meanings of Shame: Implication for Legal Reform // *Philosophy, Public Policy, and Law*. 1997. Vol. 3. № 4. P. 645–704.
- 21) *Nelissen R.M. A., Breugelmans S.M., Zeelenberg M.* Reappraising the Moral Nature of Emotions in Decision Making: The Case of Shame and Guilt // *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. Vol. 7. № 6. P. 355–365.
- 22) *Nussbaum M.C.* *Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law*. Princeton: Princeton University Press, 2004. 413 p.
- 23) *Tangney J.P., Dearing R.L.* *Shame and Guilt*. New York: Guilford Press, 2002. 272 p.
- 24) *Whitman J.Q.* What's Wrong with Inflicting Shame Sanctions? // *Yale Law Journal*. 1998. Vol. 107. № 4. P. 1055–1092.

Пржиленский В. И.,

доктор философских наук, профессор,

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Универсальное и уникальное в опыте формирования современной биоэтики¹

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы конкуренции двух онтологий как возможность построения альтернативных доктрин в биоэтике. В основе первой онтологии лежит взгляд на мир как на единое целое, тогда как вторая исходит из иной модели мира, где каждая его часть уникальна и неповторима. Показываются методологические следствия

¹ Данный материал подготовлен с использованием текстов двух публикаций: *Пржиленский В. И.* Гуманизм, гуманитарные ценности и поиски оснований современной биоэтики // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 7–28; *Кохановский В. П., Пржиленский В. И., Сергодеева Е. А.* *Философия науки: учебник для аспирантуры и магистратуры*. М.: Норма; ИНФРА-М, 2017. 432 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оргкомитет конференции	6
Вместо введения	7
<i>Артемов В. М.</i> Вступительное слово	7
Раздел 1 НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ В ПАРАДИГМЕ ГУМАНИЗМА И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ	
Авторитетная позиция. Нравственность и право: проблемы взаимодействия в условиях цифровизации.	13
<i>Артемов В. М.</i> Человеческий потенциал современного общества: нравственный и правовой аспекты.	36
<i>Розин В. М.</i> Понимание социальной справедливости как этическая и социальная проблема современности	43
<i>Разин А. В.</i> Искусственный интеллект и цифровое общество: новые этические вызовы.	50
<i>Рыбаков О. Ю.</i> Наука, технологии, право в жизненном пространстве современного человека.	58
<i>Прокофьев А. В.</i> Принцип предосторожности: этический смысл	64
<i>Пороховская Т. И.</i> Гуманизация права: проблема «перевода» с морального языка на язык права	72

Петров А. А.

Возможности создания цифровой экономики
в современной России 85

Талеров П. И.

44-ФЗ в виртуальном пространстве:
этико-правовые аспекты
цифровизации государственных закупок 101

Малюкова О. В.

Нравственные перспективы человека в условиях
цифровой революции 108

Ярославцева Е. И.

Создание цифровой периферии и виртуальных сред:
этический и правовой аспекты. 116

Зарочинцев С. В.

Реформа государственного управления и система
политического консультирования:
цифровая трансформация и этические ценности 121

Раздел 2

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ВЫЗОВ: ЭТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Ершова И. В.

Цифровые технологии в образовании и обучении:
«за» & «против» 128

Корнев А. В.

Переоценка ценностей в цифровую эпоху 132

Кашкин С. Ю.

Морально-нравственные проблемы правового
регулирования искусственного интеллекта
и робототехники в современном мире. 142

Барзилова И. С.

Проблемы правового регулирования в условиях
четвертой промышленной революции. 147

Осавелюк А. М.

Права человека в условиях глобализации:
реальность и перспективы 153

Дидикин А. Б.

Право и нейронауки: этические вызовы 162

Коврякова Е. В.

Тенденции развития народного представительства
в условиях информационного общества167

Вышкварцев В. В.

Феномен криптовалюты в России: нравственно-правовые
аспекты защиты общественных интересов и ценностей 171

Макаров С. Ю.

Этические аспекты принятия адвокатом поручения
на ведение дела и влияние современных тенденций
цифровизации 181

Гаврилова Ю. А.

Проблема гуманизма в современном информационном
обществе: нравственно-правовой аспект 189

Егоров А. А.

Неочевидный образ постчеловека: общая характеристика. 194

Колесникова Н. С.

О правовой и этической природе правил, обеспечивающих
защиту информации в ходе ее использования
при производстве судебной экспертизы 202

Бухалов В. И.

Философско-правовые аспекты законодательства
о судебных экспертизах в цифровую эпоху 205

Фомичев А. А.

О перспективах правовой защиты нравственности
в Российской Федерации. 212

Саитова К. В.

Система социального рейтинга: как техника влияет
на человеческие взаимоотношения 222

Раздел 3

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ И ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Прокофьев А. В.

Стыд, психология морали и пенитенциарная практика. 230

Пржиленский В. И.

Универсальное и уникальное в опыте формирования
современной биоэтики 238

Саввина О. В., Косорукова А.

Ответ научного сообщества на первый в мире эксперимент
по созданию Designer babies 246

Чхутиашвили Л. В.

Электронное пространство для науки образования 252

Абрамова Н. А.

Этические аспекты коммуникации в эпоху
цифровых технологий 256

Никулина И. А.

Коммуникативные потребности человека
в информационном обществе 265

Герасимов Н. И.

Анархизм сегодня: СМИ в пространстве этики 269

Раздел 4

ИСТОРИЯ НРАВОВ И ЭТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ В АСПЕКТЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ

Арефьев М. А., Давыденкова А. Г.

Проблема отчуждения: историко-философский
контекст и «цифровая» современность
массовой культуры 276

Быстров А. С.

Роль технического прогресса в учении анархо-гуманизма 287

Раздел 5

ОСОБОЕ МНЕНИЕ: МАТЕРИАЛ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Баранов В. М.

Перегруженность Российского законодательства и практики
его применения нравственными стандартами: содержательные
параметры, технико-юридические средства,
социальная вредность 298

Кашанина Т. В.

Постиндустриальное общество: метаморфозы права 309

Поцелуев Е. Л.

Нравственное основание права человека на смерть
и его юридическая регламентация в современном
обществе 318

Лаптева Л. Е.

Зависть, разумный эгоизм и права человека 325

Рудичева Н. И.

Некоторые правовые последствия неуправляемой
цифровизации 332

Раздел 6**МОЛОДОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ:
НАЧАЛО НАУЧНЫХ ПОИСКОВ***Югова Л. С.*

Анализ наказаний за преступления с использованием сети
Интернет в аспекте социальной справедливости 337

Бушманова Ю. А.

Влияние развития технологий на природу человека. 340

Афанасьева В., Потаскуева Д.

Роботизация как проблема: влияние на человека
в этическом и правовом отношениях 344

Морозова К.

Цифровизация государственного управления: правовой,
технический и нравственно-философский аспекты 349

Троицкая А. С.

Можно ли судить машину? 355

Воронцова И. Е., Парфенова А. В.

Влияние Интернета на детей: этическая экспертиза
в аспекте социальной справедливости. 365

Матвеева А. Г.

Свобода и нравственность: от историко-философских
сюжетов к этико-аксиологическому анализу проблемы 371

Приложение**НОВЫЙ ОПЫТ СОВМЕСТНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ**

Из информационных сообщений университетского сайта 376

Слепых Н. В.

Конференция международного уровня: студенческий взгляд. 377

Артемов В. М.

Философско-правовой клуб «Нравственное измерение права» —
научная школа в составе коллектива кафедры философии
и социологии: некоторые итоги и перспективы 380

Клубные фотографии: весна 2019 года 401